

Рукавичникова  
Валентина Викторовна  
кандидат филол. наук  
зав. сектором  
отдела книгохранения НБ НовГУ

## **«Личное дело» как объект исследования при социально-психологической характеристике «символического поколения»**

Проблема списания личных дел сотрудников Учительского института из архива НовГУ, на наш взгляд, весьма актуальна. Исключая дела немногих известных личностей которые передаются в Государственный архив Новгородской области (ГАО), когда заканчивается их срок хранения (75 лет), они большей частью отправляются в макулатуру. А это уникальные документы советского периода истории нашего государства. Об особенностях именно этих дел и хотелось бы рассказать.

Документы в них, а это: листки по учету кадров, заявления, служебные записки, выписки из приказов, автобиографии и т.п., являются не только информацией о работе человека – преподавателя, библиотекаря или водителя, но и ценным материалом для составления социально-психологической характеристики **символического поколения** – не горстки выдающихся личностей и не массы случайных индивидов, а общности современников, жизнь которых совпала с особым периодом истории, сделав их свидетелями и участниками определенных событий. В нашем случае речь идет о довоенных библиотекарях провинциального ВУЗа.

Для социально-психологической характеристики очень большое значение имеют *автобиографии*. В канцелярском делопроизводстве в советской традиции они непременно имели место – жизнеописание лица, которое составлено им самим в виде документа, являющегося составной частью личного дела. Анализ стиля изложения и акценты на тех или иных сторонах жизни помогали судить о различных психологических особенностях работника, оценке его деловых и личных качеств, изучении его жизненного пути.

Имеющие в нашем распоряжении автобиографии по стилю изложения делятся на две группы. По типу ответов на вопросы анкеты (год рождения, образование, кто родители, трудовая деятельность) изложены автобиографии Ольги Исакиевны (вариант – Исааковны) Багровой и Марии Петровны Павловой, помимо этих основных сведений Леонид

Александрович Квашонкин и Василий Васильевич Мокрецов включают дополнительную информацию.

Анализируя текст, написанный Багровой, можно сделать вывод, что Ольга Исакиевна была не склонна к самостоятельной деятельности. Все перемены в её жизни происходили под давлением внешних обстоятельств. До 25 летнего возраста она жила «при родителях», а когда родители умерли – у сестры в Новгороде. В 31 год О.И. Багрова поступила на работу в Центральную библиотеку Новгорода, откуда через пять лет *была послана* на работу в библиотеку Новгородского педтехникума. После организации пединститута продолжала там работать вплоть до его закрытия в 1941 году. За все время работы в библиотеке взысканий не получала, но и премировали её только в честь праздника 8 марта.

Отметим, что трудовая книжка Багровой О. И. осталась в личном деле, т.е. не была востребована ею ни после увольнения в связи с эвакуацией, ни после окончания войны, когда институт вновь начал работать. Это может значить, что она или осталась в эвакуации, что маловероятно, поскольку в Новгороде она жила с семьей сестры, а семьи, как правило, возвращались на родину, или умерла во время войны.

В автобиографии Павловой М. П., в целом так же предоставляющей анкетные сведения о себе, добавляются собственные оценки жизненных ситуаций и мотивация поступков. Она *с сожалением* пишет, что её отец, имея 8 детей, не мог дать ей среднее образование. Чувствуется, что она гордится тем, что окончила прогимназию (в 1904 году) и работала учительницей – сначала в районе, но потом «за усердную службу» была переведена на работу в город Холм. Мария Петровна *сожалеет*, что из-за болезни дочери оставила службу. Желая дать дочери образование, она в 1936 году переехала вместе с ней в Новгород. Дочь стала студенткой учительского института, а мать, чтобы быть с нею рядом, поступила на работу в библиотеку.

Таким образом, мы видим женщину с не очень счастливой судьбой, которая мечтает, что её единственная дочь добьется в жизни лучшей доли и предпринимает для этого самостоятельные действия, резко изменяя свою жизнь.

Другая группа библиотекарей представлена документами, касающимися Квашонкина Леонида Александровича и Мокрецова В.В. Следуя стандартной схеме

ответов на вопросы анкеты, они разворачивают их в повествование. Сопоставление этих двух автобиографий интересно ещё и тем, что их авторы – практически ровесники. Квашонкин 1895, а Мокрецов 1896 годов рождения.

Стиль повествования Квашонкина соответствует стилю не слишком грамотного канцелярского работника с соответствующими речевыми оборотами. Например: (об отце) «...жил трудовой жизнью и в силу этого получал небольшую пенсию до самой своей смерти и занимался, несмотря на получаемую пенсию, своей профессией, пользуясь правами гражданина СССР».

Описывая свой жизненный путь, Квашонкин на некоторых эпизодах делает акценты. Так, он описывает трудовую биографию своего отца вплоть до его смерти в 1933 году, а говоря о себе, отмечает, что «добровольно поступил в Красную Армию», где был определен на административно-хозяйственную должность – по состоянию здоровья (диагноз не упоминается).

Автобиография написана Квашонкиным в 1938 году, к тому времени он проработал в должности заведующего библиотекой уже три года. Сопоставив её с другими документами из личного дела, (трудовой книжкой, личной карточкой и листком по учету кадров), мы видим, что некоторая представленная им информация ничем не подтверждается<sup>1</sup>, а о многом он в автобиографии умолчал.

Например, судя по «Трудовому списку», с работой после выхода из военной службы Квашонкину катастрофически не везло. С 1921 по 1934 годы он по разным обстоятельствам поменял 15 мест работы. Предприятия, на которых служил, большей частью ликвидировались, откуда-то он увольнялся по собственному желанию. Ни одно из мест работы Квашонкин в автобиографии не называет, ограничившись фразой: «работал в разных советских учреждениях, а с 1924 г. перешел исключительно на работу по книжно-библиотечному делу». Не упоминает он и о том, что имеет на иждивении мать и двоюродного брата.

Леонид Александрович ценил свою работу в библиотеке. Не всегда справляясь со своими прямыми обязанностями руководителя, за что время от времени получал выговоры от директоров института (и Кимена, и Скобеева), он в своих служебных

---

<sup>1</sup> Так, он пишет, что учился в Петроградском университете на юридическом факультете. Выглядит авторитетно, но документов, подтверждающих факт обучения, нет

записках и отчетах создавал о себе мнение, как о незаменимом специалисте, работающем много и плодотворно.

Общее впечатление о личности Л.А. Квашонкина складывается такое: это не блещущий здоровьем, не слишком успешный человек с завышенной самооценкой. Ставший после смерти отца единственным кормильцем семьи, несмотря на зрелый возраст, он не был готов к этой роли. Никогда не был женат. Не владея никакой профессией, он волею судьбы связал свою жизнь с книгой. В качестве дополнения к его портрету можно добавить следующее: в графе национальность он написал: великорус. В личных делах это единственный случай, все обычно писали: «русский/ая». Трудовая книжка Л. А. Квашонкина, как и О. И. Багровой, осталась в архиве института – т.е. не была востребована хозяином после войны.

Личность Мокрецова Василия Васильевича весьма примечательна, в первую очередь – своей необычной и неоднозначной биографией. В восемь лет, после смерти отца, он был отдан «в учение» в школу солдатских кантонистов в Л.-Гв. Семеновский полк. В 16 лет началась его служба в качестве музыканта, а впоследствии капельмейстера духового оркестра, вплоть до демобилизации в 1923 году. Василий Васильевич прошел в действующих войсках Первую мировую и Гражданскую войны, пережил белый плен, болел сыпняком... После демобилизации, до 1930 года он жил в г. Ораниенбаум, занимая должность музыканта 1-го железнодорожного батальона.

В феврале 1930 года военный капельмейстер Мокрецов В. В. выехал в г. Лугу и поступил работником в совхоз, принадлежащий ГПУ, который в 1932 году был переименован в совхоз им. Дзержинского. Там он работал на разных должностях: табельщиком, помощником заведующего клубом, библиотекарем, почтальоном. В мае 1934 года он перешел в подсобное хозяйство при Доме отдыха Ленинградского Облисполкома в качестве вербовщика и приемщика сена от «Заготзерна». По окончании работ переехал с семьей в г. Новгород, где поступил в УПХ № 4 на должность надзирателя. В библиотеку пединститута им. М.Н. Покровского<sup>1</sup> на должность библиотекаря он был принят 3 января 1935 года.

Обращаем внимание на тот факт, что, согласно его автобиографии, с 1921 года он

---

<sup>1</sup> Новгородский Государственный педагогический институт имени М. М. Покровского функционировал в 1932-1934 годы. Был перепрофилирован в Новгородский Государственный учительский институт.

работал в системе ВЧК-ГПУ. Деятельность военного капельмейстера и культпросвет работника Мокрецов чередовал с должностями надзирателя: в 1921 году – при ЧК гор. Петропавловска Акмолинской области и в 1935 году в Новгороде – в УПХ № 4.

Неясным остается эпизод, имевший место в 1922 году, когда Василий Васильевич был направлен капельмейстером в стрелковый полк, находившийся в Петропавловской крепости (Петроград). Номер полка он не указал, сославшись на забывчивость<sup>1</sup>. Забывчивость эта вызывает недоумение, т. к. до того эпизода Мокрецов излагал свою непростую биографию, точно указывая все даты и номера частей, где он проходил службу.

Последнее упоминание о В. В. Мокрецове в документах учительского института относится к августу 1937 года, когда вышел приказ о повышении ему оклада библиотекаря. В штате библиотеки от 30 июня 1938 г. он уже не числился. Приказа о его увольнении в книге приказов мы не нашли. Известно только, что его жена продолжала работать уборщицей в институте вплоть до 11 августа 1941 года, когда онный был закрыт в связи с эвакуацией.

Несколько слов о стиле, которым написана автобиография В. В. Мокрецова. Текст являет собой сухое изложение фактов – никаких оценок событий, мотивация собственных поступков отсутствует. Все, что происходит с ним, происходит как будто по воле извне. Его *перевели, назначили, он был направлен...* Единственные действия, которые он совершил по своей воле, это когда в 1917 году в Ленинградской консерватории сдал экзамен экстерном по классу военных капельмейстеров, и в ноябре 1919 бежал из белого плена под городом Омском.

Свободно владея канцелярским стилем, см., например, его заявление: «Настоящим прошу Вашего разрешения на прием меня в качестве библиотекаря во вверенное вам учреждение», при написании автобиографии Мокрецов им не пользуется. Уровень грамотности его достаточно высокий, особенно, если учесть, что в анкете он указывает, что окончил только курс 4-х классной прогимназии при школе солдатских детей Л.-Гв. Семеновского полка.

---

<sup>1</sup> Для справки: тюрьма Трубецкого бастиона и гауптвахты Петропавловской крепости с декабря 1917 года вошли в систему тюрем ВЧК. В годы Красного террора (1917-1921) на территории Петропавловской крепости проводились массовые расстрелы заключенных. Решением правительства в 1922 году тюрьма Трубецкого бастиона и Петропавловский собор были превращены в музей.

Еще один штрих. За всю свою трудовую биографию Мокрецов никаким замечаниям и взысканиям на службе нигде не подвергался. Зато премировался в совхозе им. Дзержинского трижды: 1) За организацию оркестра – костюмом; 2) за руководством драмкружком и шахматным клубом – ботинками; 3) за производственную работу по организации почтового дела деньгами – 25 руб.

Произведя анализ документов из личных дел постоянных сотрудников библиотеки, можно составить общую характеристику этой группы.

Л.А. Квашонкин, имея значительный опыт работы, являлся руководителем подразделения, В.В. Мокрецов был его заместителем, О.И. Багрова так же имела большой стаж работы по специальности, М.П. Павлова, благодаря решительному и твердому характеру, добилась уважения в межличностных отношениях. Заметим, что Квашонкин имел несколько завышенную самооценку, подчеркивая свой приоритет как специалиста. Вместе с тем он не всегда справлялся с задачами, которые ставились перед библиотекой и непосредственно перед ним, как руководителем.

Несмотря на то, что *мотивация* трудовой деятельности у членов группы, в общем, совпадала, они принадлежали к разным психотипам, поэтому степень единства в коллективе была низкая. Рядовых сотрудников объединяло их молчаливое противопоставление заведующему библиотекой. Известно, что, несмотря на распоряжение директора института сообщать ему обо всех нарушениях порядка и режима работы, сотрудники библиотеки не занимались доношением, чего нельзя сказать о самом заведующем.

Из всех библиотекарей только Квашонкин Л.А. имел среднее образование. Библиотечного образования не было ни у кого, таким образом, технику библиотечного дела сотрудники постигали на практике и, соответственно, уровень владения ею был невысоким. Так, оформлять новые поступления и составлять каталог умел только сам Квашонкин, массовые мероприятия не проводились вообще, о библиографической работе не было и речи. О недостатке же организаторских навыков у заведующего говорит, например, тот факт, что в течение нескольких предвоенных лет он так и не сумел закончить полную инвентаризацию фонда.

В целом результаты работы библиотеки не вполне удовлетворяли руководство института, т.к. она не успевала за темпом развития учебного заведения – от пед. техникума к пединституту. Несмотря на это, роль библиотеки в учебном процессе была очень значительной и социальный статус библиотекарей был довольно высоким.

Конечно, анализ, произведенный нами, нельзя назвать исчерпывающим, но даже по представленным материалам понятно, насколько важны личные дела всех сотрудников для изучения истории учебного заведения и региона в целом.